
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-X

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 90-летию Л. К. Герасимович

St. Petersburg
2013

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель), доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*,
канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, Ph. D. N. S. Yakhontova*

Peer-reviewed by: *Ph. D. M. Petrova, D. S. (Philology) S. Neveleva*

Монголика-Х: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. — 144 с.

Десятый выпуск сборника имеет разделы: «Филология, литературоведение, фольклористика, текстология», «Историография, источниковедение и история науки», «Рецензии и научная жизнь», «Наши переводы». Статьи написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и зарубежными специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The tenth issue of «Mongolica» has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews and Scholaly Life», and «Our translations». The articles are written both by competent and young Russian and foreign scholars in the field of Mongolian studies. The essays of the latest scholarly events, reviews of new books make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern scientific priorities and from the positions of the modern state of Mongolian studies, where historical and cultural problems of Mongolian speaking peoples are very important. They play a significant part in the society and have general historical significance.

The issue should be of interest to Mongolists specialising in philology, history, culture, and Orientalists interested in the history of the Mongolian peoples and Central Asia.

Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*

Корректор — *Т. Г. Бугакова*

Макет подготовлен в издательстве

«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111

e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site:* http://www.pvost.org

Подписано в печать 15.08.2013. Формат 60×90 ¹/₈. Гарнитура основного текста «Таймс»

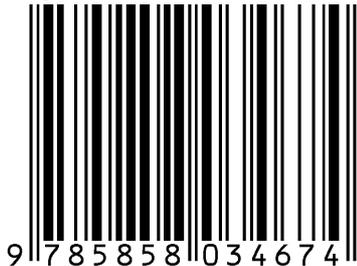
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 усл.-п. л. Заказ №

Первая академическая типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения правообладателей.

ISBN 978-5-85803-467-4

© Издательство «Петербургское Востоковедение», 2013

© Институт восточных рукописей РАН, 2013

© Коллектив авторов, 2013

Содержание

Предисловие. <i>И. В. Кульганек, Л. Г. Скородумова</i>	5
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Л. Г. Скородумова. Модель пространственно-временного континуума в монгольской культуре.	8
О. А. Сапожникова. Структура художественного текста в описании духовного облика монгольского народа (по рассказу С. Эрдэнэ «Камень в сердце»)	16
А. А. Туранская. Монгольский перевод сборника «Сто тысяч песнопений» Миларэпы	21
Д. А. Носов. Кумуляция в сказках монгольских народов: жанровый признак или композиционный прием?	26
А. А. Соловьева. Рассказы о проделках нечистой силы в монгольском фольклоре	33
П. О. Рыкин. К вопросу о принципах китайской транскрипции монгольской лексики в китайско-монгольском словаре «Дада юй/Бэйлу юй» (конец XVI—начало XVII в.)	41
А. И. Чернуха. К вопросу о диахроническом образовании долгих гласных в монгольском языке	49
И. В. Кульганек. Фольклорное воплощение феномена Прихубсугуля — Даян Дэрх.	53
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Е. И. Кычанов. Тангутско-татарская граница в первой четверти XIII в. (по тексту «Новых законов» Ся)	58
К. В. Алексеев. О двух монгольских рукописях жизнеописания Гампопы (1079—1153)	65
Ю. И. Елихина. Монгольские ксилографические доски из коллекции Государственного Эрмитажа	70
А. В. Майоров. Письмо римского папы Иннокентия IV золотоордынскому хану Сартаку (текст, перевод, комментарий)	74
А. Б. Малышев. Для чего была написана золотоордынская «поэма» на бересте, найденная у села Подгорное? (к постановке проблемы)	82
П. Чултэмсүрэн. Краткая история халхаского Цогту-хунтайджи и его потомков	86
Ф. Л. Синицын. Международная деятельность тибетского иерарха Панчен-ламы IX и ее воздействие на положение МНР и Внутренней Монголии (1926—1937)	90
И. В. Кульганек. Рукописное и архивное наследие монгольских народов в России	97
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
К. Н. Яцковская. Читая «Труды о Монголии и для Монголии» А. Д. Симукова	101
Б. Дайриймаа. Конференция, посвященная 100-летию известного алтайского урянхайского исполнителя С. Чойсурена	109
Ю. И. Дробышев. Новые издания совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции РАН и МАН	110
О. Н. Полянская. Конференция «Монголия в XX веке: от восстановления независимости до международного признания». 1—2 декабря 2011 г., г. Иркутск	113
Т. Г. Басангова. Субурган Джамбо-тайши Тундугова	117
Л. В. Четырова. Монгольский форум в Париже	119
Л. Халоупкова. <i>Болдохонов К. Б.</i> Дорогие мои земляки	120
А. А. Бурыкин. <i>Омакаева Э. У.</i> Типология моделирующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории	122
Т. Д. Скрынникова. <i>В. Л. Успенский.</i> Тибетский буддизм в Пекине	125
И. В. Кульганек. Отчет о Первой Международной конференции «Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора»	128
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Т. Баянсан. Лысое сердце (пер. Л. Скородумовой)	131
С. Эрдэнэ. Камень в сердце (пер. О. Сапожниковой)	133
П. Лувсанцэрэн. Голубой, как вода (пер. О. Сапожниковой)	134
С. Пурэв. Страдания собаки никогда не кончатся (пер. О. Сапожниковой, под ред. Л. Скородумовой)	138
Д. Гармаа. Сундук гецула (Будда) (пер. К. Ким)	140
Summary	141

Contents

Introduction by <i>I. V. Kulganek, L. G. Skorodumova</i>	5
LITERARY STUDIES, FOLKLORE STUDIES, LINGUISTICS	
L. G. Skorodumova. The model of the space-time continuum in the Mongol culture	8
O. A. Sapozhnikova. The spiritual character of the Mongolian people in the story by S. Erdene «A Stone of the Heart» (Structure of a literary text)	16
A. A. Turanskaya. The Mongolian translation of the collection «One Hundred thousand hymns» by Milarepa	21
D. A. Nosov. The structure of the Mongolian folk tales	26
A. A. Solovyeva. Stories about the evil forces in the Mongolian folklore	33
P. O. Rykin. On the Principles of Chinese Transcription of Mongolian Words in the Chinese-Mongolian Dictionary «Da-da yu/Beilu yiyu» (late 16 th —early 17 th centuries)	41
A. I. Chernukha. On diachronic process of formation of long vowels in the Mongolian language.	49
I. V. Kulganek. Folklore embodiment of the Prikhubsugulie's phenomenon — Dayan Derkh	53
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES	
E. I. Kychanov. The Tangut-Tatar border in the first quarter of the XIII century. (the «New laws» of Xia)	58
K. W. Alekseev. About two Mongolian manuscripts of the biography of Gampopa (1079—1153)	65
Yu. I. Yelikhina. Mongolian woodcut boards from the collection of the State Hermitage.	70
A. V. Mayorov. Pope Innocent IV's letter to Sartakh Khan of the Golden Horde (text, translation, notes)	74
A. B. Malyshev. What was the purpose of the Golden Horde «poem» written on birch bark found near the village of Podgornoe? (statement of the problem)	82
P. Chultemsuren. A brief history of Khlalkh Tsogtu-Khuntaydzhi and his disciples	86
F. L. Sinitsyn. International activities of the Tibetan Hierarch Panchen Lama IX and their impact on the situation of Mongolia and Inner Mongolia (1926—1937 years)	90
I. V. Kulganek. Manuscript and archival legacy of mongolian peoples in Russia	97
REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE	
K. N. Yatskovskaya. Reading the «Works of Mongolia and for Mongolia» by A. D. Simukov [The State Museum of Ethnology, Osaka, 2007—2008]	101
B. Dayriymaa. The conference dedicated to the 100 th anniversary of the famous Altai-Uryankhay performer S. Choysuren	109
Yu. I. Drobyshev. The new publications by the Integrated Russian-Mongolian biological expedition of RAS and MAS	110
O. N. Polyanskaya. The conference «Mongolia in the XX century: from the restoration of independence to the international recognition»	113
T. G. Basangova. Suvarga of Jumbo Taishi Tundutov	117
L. V. Chetyrova. Mongolian forum in Paris.	119
L. Khaloupkova. Review of «My Dear Countrymen» by K. B. Boldokhonov (Ulan-Ude, 2012)	120
A. A. Burykin. Review of «The Typology of Model-forming Parts of Sentences in the Kalmyk and Mongolian Languages in Light of the Verbal-actantial Theory» by E. U. Omakaeva. (Ulaanbaatar, 2011)	122
T. D. Skrynnikova. <i>V. L. Uspenskiy.</i> The Tibet Buddhism in Beijing.	125
I. V. Kulganek. Report about the first international conference «Cultural Heritage of mongols: manuscripts and archival collections in St. Petersburg and Ulaanbaatar»	128
OUR TRANSLATIONS	
T. Bayansan. Bald Heart (translated by L. Skorodumova)	131
S. Erdene. Stone Heart (translated by A. Sapozhnikova)	133
P. Luvsantseren. As Blue as Water (translated by A. Sapozhnikova)	134
C. Purev. A Dog's Suffering Never Ends (translated by A. Sapozhnikova; ed. by L. Skorodumova)	138
D. Garma. Getsul's Chest (translated by K. Kim)	140
Summary	141

Ф. Л. Синицын

Международная деятельность тибетского иерарха Панчен-ламы IX и ее воздействие на положение МНР и Внутренней Монголии (1926—1937)

В статье исследуется международная деятельность тибетского иерарха Панчен-ламы IX в 1926—1937 гг., перешедшего в оппозицию к Далай-ламе XIII, воздействие ее на внешнеполитическое положение МНР и Внутренней Монголии и на взаимоотношения с Советским Союзом.

Ключевые слова: Панчен-лама, Гоминьдан, Мукденское правительство, Внутренняя Монголия, МНР, Тибет, Далай-лама XIII, Япония, СССР, духовенство, политика.

Один из наиболее значимых аспектов международного положения МНР и Внутренней Монголии, в котором ярко проявился «буддийский фактор», — деятельность второго по рангу тибетского духовного иерарха Панчен-ламы IX¹. В ноябре 1923 г. Панчен-лама перешел в оппозицию к Далай-ламе XIII, главной причиной чего было недовольство новой фискальной политикой тибетского правительства. После этого Панчен-лама покинул Тибет и направился в Китай [Андреев, 2002. С. 262]. В октябре 1926 г., по приглашению князей Внутренней Монголии, Панчен-лама прибыл в Мукден [Ya Hanzhang, 1994. С. 265] и с этого времени стал играть важную роль в международной политике на Дальнем Востоке.

В первые годы пребывания Панчен-ламы в Китае отношение к нему в СССР было нейтральным и даже благожелательным. ОГПУ считало, что Панчен-лама был настроен даже «просоветски», и лишь условия, в которые он был поставлен в условиях китайской эмиграции, не давали ему возможности декларировать свое «положительное» отношение к СССР [Андреев, 2002. С. 298, 312—313]. В декабре 1926 г. советский полпред в Монголии П. М. Никифоров высказал мнение, что дальнейшее пребывание Панчен-ламы в Китае могло иметь для внешней политики СССР «нежелательные последствия» из-за возможного использования Китаем и Японией авторитета этого иерарха во вред советским интересам. Поэтому Никифоров предлагал содействовать возвращению Панчен-ламы в Тибет [АВП. Ф. 8. Оп. 9. Пап. 19. Пор. 101. Л. 19—20]. ОГПУ, в свою очередь, вынашивало план приглашения Панчен-ламы в Ленинград [Росов, 2002. С. 49], где он, очевидно, мог быть размещен в местном дацане.

¹ Панчен-лама — второй по рангу буддийский священнослужитель после Далай-ламы в школе Гелуг тибетского буддизма. Панчен-лама IX — Тубден Чокьи Ньима (1883—1937).

Панчен-лама обладал высоким авторитетом среди буддийского духовенства СССР [РГВА. Ф. 34232. Оп. 1. Д. 3. Л. 50] и Монголии, а также в просоветской Монгольской народно-революционной партии (МНРП), члены правого крыла которой поддерживали предполагаемый приезд Панчен-ламы в Монголию. Однако это предложение принято не было, в том числе потому, что пребывание Панчен-Ламы в МНР «рассорило» бы ее с Далай-ламой и Тибетом [АВП. Ф. 111. Оп. 8. Пап. 123. Пор. 68. Л. 39].

Таким образом, ни в СССР, ни в Монголию Панчен-лама не приехал. Когда стало ясно, что его не удастся «переманить» на советскую сторону и он останется в Китае, отношение к Панчен-ламе со стороны Советского руководства стало негативным. Уже в 1927 г. для властей СССР аксиомой стал факт «использования» Панчен-ламы «империалистическими силами» в целях борьбы с большевизмом [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 587. Л. 226]. Панчен-лама стал рассматриваться как сподвижник враждебных по отношению к СССР правительств Китая и Японии, а также как агент японской и китайской разведок, которому «передаются все сведения» из МНР [АВП. Ф. 111. Оп. 10. Пап. 131. Пор. 24. Л. 6—7, 100].

Большую опасность для положения СССР представляло возможное появление Панчен-ламы у границ Монголии и тем более его несанкционированный въезд в эту страну. Прибытие Панчен-ламы по согласованию с китайскими властями на рубеже 1928 и 1929 гг. в монастырь Пандидо-Гэгэн, расположенный во Внутренней Монголии у границы с МНР, всколыхнуло духовенство Монголии. Уланбаторские ламы распространили листовку, в которой осуждали правительство страны за то, что оно не допускает в Монголию Панчен-ламу — «одного из хранителей буддийской религии», — и требовали от имени всего ламства разрешить его приглашение [АВП. Ф. 8. Оп. 12. Пап. 81. Пор. 156. Л. 29]. В на-

родной среде Монголии было ярко выражено стремление совершить паломничество к Панчен-ламе [АВП. Ф. 8. Оп. 12. Пап. 81. Пор. 155. Л. 93].

Агитация за приглашение Панчен-ламы в МНР подпитывалась распространением буддийским духовенством уверенений в его высоком предназначении в истории Монголии. Священнослужители считали, что приход Панчен-ламы станет «наградой за всё» [АВП. Ф. 183. Оп. 12. Пап. 11. Пор. 2. Л. 5], то есть за страдания от нового режима. Советские дипломаты считали, что имя Панчен-ламы будет выдвинуто духовенством как знамя «реставрации» в Монголии дореволюционных порядков [АВП. Ф. 111. Оп. 10. Пап. 131. Пор. 24. Л. 100].

Монгольские ламы надеялись прежде всего на то, что Панчен-лама окажет помощь в выдвижении нового, девятого перерожденца теократического правителя Монголии — Богдо-гэгэна [АВП. Ф. 4. Оп. 29. Пап. 197а. Пор. 105. Л. 14] (как известно, Богдо-гэгэн VIII скончался в 1924 г.). Некоторые сторонники Панчен-ламы предполагали возможность его правления в Монголии совместно с вновь обретенным перерожденцем Богдо-гэгэна [АВП. Ф. 111. Оп. 12. Пап. 8. Пор. 9. Л. 12]. Другие полагали, что Панчен-лама сам сможет «воссесть на троне Богдо-гэгэна» [АВП. Ф. 8. Оп. 12. Пап. 81. Пор. 157. Л. 57], став его «естественным и неизбежным преемником» во всей полноте религиозной и светской власти над монгольским народом [АВП. Ф. 8. Оп. 12. Пап. 81. Пор. 156. Л. 151]. В любом случае, приход Панчен-ламы связывался с концом «владычества красных» (правления МНРП) [АВП. Ф. 8. Оп. 12. Пап. 81. Пор. 157. Л. 40].

Монгольское духовенство уверяло мирян, что Панчен-лама является «главой грядущего царства Шамбалы», и активно обсуждало сроки пришествия этого царства. С этими настроениями были связаны ожидания, что Панчен-лама придет в Монголию непременно со «своими войсками» [АВП. Ф. 8. Оп. 12. Пап. 81. Пор. 156. Л. 151; Оп. 10. Пап. 32. Пор. 173. Л. 68], которые могли рассматриваться как «армия Шамбалы». Очевидно, «шамбалинское предназначение» деятельности Панчен-ламы подогревалось и китайскими властями. Среди населения Монголии имели широкое хождение изданные в Китае картинки «Путешествие Панчен-ламы в Шамбалу», изображавшие всадника с флагом в руке и исходящими от него огненными лучами [АВП. Ф. 8. Оп. 12. Пап. 81. Пор. 155. Л. 127].

Высокая популярность Панчен-ламы отмечалась не только среди монгольских священнослужителей, рассматривавшихся властями как «агенты Панчен-ламы», а также бывших феодалов и простого народа, но и в априори лояльной к властям Монгольской народно-революционной армии. В июне 1929 г. был раскрыт заговор военнослужащих, которые обсуждали план бегства к Панчен-ламе, чтобы пригласить его «от имени армии» прибыть в Монголию, поработившую «красными» [АВП. Ф. 111. Оп. 10. Пап. 131. Пор. 24. Л. 4; Ф. 8. Оп. 12. Пап. 81. Пор. 157. Л. 95; Пор. 156. Л. 215].

Ко второй половине 1929 г. при содействии «советских товарищей» и Коминтерна удалось «в значительной мере парализовать» положительные по отношению к Панчен-ламе настроения, бытовавшие в руководстве Монголии. Советский полпред А. Я. Охтин-Юров был убежден, что «опасность» Панчен-ламы была «полностью осознана» монгольским руководством, которое начало борьбу с влиянием и авторитетом тибетского иерарха в народных массах [АВП. Ф. 8. Оп. 12. Пап. 81. Пор. 157. Л. 95]. В мае 1930 г. ЦК МНРП издал циркулярное письмо о работе среди ламства, в нем высшие буддийские иерархи Монголии обвинялись в готовности «искать помощь... у злейших врагов МНР», к которым был причислен Панчен-лама, «изменивший родному Тибету» и «продавший себя китайским милитаристам» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 114. Л. 5]. Панчен-лама был объявлен «тибетским эмигрантом», принимающим участие в «разных интригах и махинациях, враждебных МНР» [АВП. Ф. 111. Оп. 16. Пап. 18. Пор. 3. Л. 39, 41—41об.]. Была поставлена задача по разработке способов противодействия «вредным замыслам» Панчен-ламы, включая отслеживание соответствующих «действий и разговоров» как внутри страны, так и за рубежом, а также пресечение передвижения населения МНР через границу [АВП. Ф. 8. Оп. 12. Пап. 81. Пор. 155. Л. 115, 126].

Однако недовольная правительством часть населения Монголии упорно продолжала возлагать надежды на Панчен-ламу, рассчитывая на то, что он окажет помощь при восстании против властей. Эти ожидания обнадеживали определенные круги ламства и верующих-мирян, желавших свержения ненавистной им власти МНРП [АВП. Ф. 183. Оп. 12. Пап. 11. Пор. 2. Л. 3, 5; Ф. 111. Оп. 12. Пап. 8. Пор. 9. Л. 12]. Практическое воплощение ожидания помощи проявилось во время Хубсугульского восстания (апрель—октябрь 1932 г.), когда восставшие, стремившиеся свергнуть власть МНРП, всерьез рассчитывали на помощь Панчен-ламы. По мнению монгольского историка Баабара, это восстание превратилось в гражданскую войну [Баабар, 2010. С. 322—325]. В приговоре по делу организаторов этого восстания отмечалась «активная роль» в нем Панчен-ламы [Ломакина, 2006. С. 175]. Однако, очевидно, роль эта была лишь косвенной, так как со стороны Панчен-ламы реальной помощи восставшим оказано не было.

Только к середине 1930-х гг., в том числе путем репрессий в отношении сторонников Панчен-ламы, удалось снизить градус его популярности в народной среде Монголии. Способствовала этому, очевидно, и нерешительность Панчен-ламы в отношении приезда в Монголию. Хотя ожидание его прибытия было живо в народе как минимум до конца 1936 г., часть буддийских священнослужителей начала, по крайней мере «прилюдно», выражать мнение, что пока Панчен-лама «находится близко», монгольский народ «не станет жить спокойно». Некоторые даже предлагали «этого подлого» Панчен-ламу «поймать и убить», считая, что он вынуждал «глупых мон-

гольских лам» поддерживать с ним связь, что и стало причиной репрессий в отношении духовенства [АВП. Ф. 111. Оп. 17. Пап. 154. Пор. 1. Л. 15, 248, 251].

Надежды на помощь Панчен-ламы бытовали среди населения Внутренней Монголии. Хотя ситуация в этом регионе Китая, естественно, отличалась от ситуации в МНР, в их положении было и сходство: если в МНР власть хотя и была в руках монголов, но имела просоветский характер и была направлена на преследование религии и ломку традиционного уклада жизни, то во Внутренней Монголии власть ни в коей мере не осуществляла преследования религии, однако находилась в руках китайцев. Поэтому если в МНР под знамя Панчен-ламы встало движение за восстановление старых порядков и религии, то во Внутренней Монголии — движение за ее автономию [Росов, 2002. С. 42]. Авторитет Панчен-ламы среди духовенства и верующих-мирян Внутренней Монголии был чрезвычайно высок [АВП. Ф. 111. Оп. 8. Пап. 123. Пор. 68. Л. 39—40]. В 1927 г. в Мукден, где находился Панчен-лама, начали стекаться массы паломников, желавших получить его благословение [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 216]. На молениях, проводившихся Панчен-ламой, присутствовало одновременно до 20 тыс. чел. [АВП. Ф. 111. Оп. 10. Пап. 131. Пор. 24. Л. 7].

Понимая высокий авторитет Панчен-ламы среди монгольского населения как МНР, так и Внутренней Монголии, в соперничество «за Панчен-ламу» вступили Китай и Япония [Росов, 2002. С. 51]. Основная роль в использовании политических возможностей Панчен-ламы принадлежала китайским властям — Мукденскому правительству («Фэнтяньская клика» во главе с Чжан Цзолинем) и центральному правительству Гоминьдана, что было закономерным, так как Панчен-лама физически находился на территории Китая. Мукденское правительство, ввиду наличия на подконтрольной ему территории регионов с монгольским населением, а также общей границы с МНР, обращало большое внимание на буддийский и монгольский фактор. В октябре 1926 г. в Мукдене был организован съезд буддийского духовенства Внутренней Монголии, на котором присутствовали представители нескольких монастырей МНР. В рамках съезда, в котором приняли участие более 700 лам, было проведено грандиозное моление для «поминовения душ павших воинов» [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 146].

Советскому руководству ко второй половине 1926 г. стало ясно, что Панчен-лама полностью оказался в орбите политики китайских властей [АВП. Ф. 4. Оп. 29. Пап. 197а. Пор. 105. Л. 14], которые уделяли большое внимание использованию авторитета и влияния этого буддийского иерарха среди монгольского населения, чтобы облегчить удержание монголов под своим контролем [АВП. Ф. 4. Оп. 29. Пап. 194а. Пор. 56. Ч. V. Л. 40]. Правительство Чжан Цзолиня стремилось использовать в своих целях авторитет Панчен-ламы также для поддержки антисоветской позиции, занятой большинством буддийско-

го духовенства Внутренней Монголии. В обмен на продвижение китайских интересов Чжан Цзолинь обещал Панчен-ламе восстановить государственные субсидии буддийским монастырям [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 146, 177, 219].

Таким образом, Панчен-ламе китайскими властями была уготована роль «по умиротворению Внутренней и Внешней Монголии» [АВП. Ф. 111. Оп. 8. Пап. 123. Пор. 68. Л. 24], то есть поддержанию во Внешней Монголии лояльности по отношению к китайским властям, а в МНР — настрой к свержению просоветского правительства. С этой целью китайцы поддерживали объединение вокруг Панчен-ламы князей и влиятельных священнослужителей Внутренней Монголии. У советского руководства имелись некоторые сведения о создании при Панчен-ламе религиозного союза, ставившего целью борьбу против «красной опасности», и о созыве им совещаний для обсуждения вопроса «о положении монголов, как в религиозном, так и в других отношениях». Советская разведка считала, что Чжан Цзолинь «при деятельном участии» Панчен-ламы намеревался в 1927 г. начать «вооруженную авантюру против МНР» [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 216—217].

Летом и осенью 1927 г. население района монастыря Пандидо-Гэгэн, находившегося в хошуне Дзун-Узумчин Селингольского сейма Внутренней Монголии, на расстоянии 5 ургонов (примерно 160 км) от юго-восточной границы МНР, было извещено китайскими властями о предполагаемом приезде Панчен-ламы. Отсюда Панчен-лама якобы был намерен направиться в МНР — через Югодзырский монастырь на Улан-Батор [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 216—217, 415].

Поездка Панчен-ламы к границе с МНР рассматривалась китайскими властями как средство укрепления их влияния среди князей восточной части Внутренней Монголии и создания среди монгольского населения пограничной полосы враждебной атмосферы по отношению к МНР. Программа-максимум китайских властей включала в себя неожиданное появление Панчен-ламы в Улан-Баторе, чему были бы бессильны препятствовать власти МНР — очевидно, ввиду высокого авторитета Панчен-ламы. Длительное пребывание тибетского иерарха в МНР должно было сделать его в этой стране руководящей фигурой, через которую китайские власти проводили бы свою политику. Однако в связи с плохим состоянием финансов Мукденского правительства, а также бандитизмом и крестьянскими восстаниями на пути из Мукдена в Пандидо-Гэгэн, поездка Панчен-ламы туда была отложена [АВП. Ф. 111. Оп. 8. Пап. 123. Пор. 68. Л. 38, 41].

В феврале 1928 г. в Нанкине было провозглашено центральное правительство Гоминьдана во главе с Чан Кайши. В марте 1928 г. Панчен-лама направил во вновь созданное правительство своих представителей [Ya Hanzhang, 1994. С. 265]. С этого времени центральные власти Китая начали поддерживать с Панчен-ламой тесные связи [Кычанов, Мельниченко,

2005. С. 252]. Гоминьдановские власти созвали в Пекине совещание, на котором присутствовали Панчен-лама, а также представители китайских провинций и Внутренней Монголии. Очевидно, Гоминьдан смог изыскать средства и возможности для перебазирования Панчен-ламы в монастырь Пандидо-Гэгэн, что и произошло на рубеже 1928 и 1929 гг. В этом монастыре Панчен-лама пробыл до конца 1929 г., когда стало ясно, что реализация плана по его въезду в МНР неосуществима. После этого он вернулся в Мукден, где продолжил свою религиозную и политическую деятельность в союзе с китайскими властями [АВП. Ф. 8. Оп. 12. Пап. 81. Пор. 157. Л. 95].

С середины 1920-х гг. привлечь Панчен-ламу к сотрудничеству старалось правительство Японии. В сентябре 1926 г. он был приглашен в Нагасаки на съезд князей и лам Внутренней Монголии, состоявшийся под лозунгами «объединения азиатских народов» и «борьбы с большевизмом» [Росов, 2002. С. 47]. Советские дипломаты считали, что Япония сможет использовать Панчен-ламу для реализации своих планов во Внешней и Внутренней Монголии в обмен на предоставление ему «средств для его дальнейшего благочестивого существования» [АВП. Ф. 8. Оп. 9. Пап. 19. Пор. 101. Л. 18—19]. Действительно, японцы предоставили Панчен-ламе почетную охрану, специальные поезда для курсирования между Пекином и Внутренней Монголией, оплачивали срочный ремонт монастырей, открыли личные счета в японских банках [Росов, 2002. С. 47]. При ставке Панчен-ламы находились советники-японцы [АВП. Ф. 8. Оп. 12. Пап. 81. Пор. 156. Л. 203].

Возвращение Панчен-ламы в Мукден в конце 1929 г., по мнению советских дипломатов, доказывало, что его деятельность была связана с японской политикой на Дальнем Востоке. Отзыв Панчен-ламы в Мукден был обоснован тем, что японский план военного похода на МНР повис в воздухе, так как китайские силы, которые могли бы его поддержать, оказались неспособны это сделать. Поэтому Панчен-ламу японцам «пришлось водворить на прежнее место в Мукден и законсервировать для будущего» [АВП. Ф. 8. Оп. 12. Пап. 81. Пор. 157. Л. 95].

Однако следует говорить о китайской, а не японской роли в деятельности Панчен-ламы. В первую очередь он был вовлечен в реализацию прокитайской программы как в отношениях с Тибетом, так и в «монгольском вопросе». В мае 1931 г. состоялась встреча Панчен-ламы с Чан Кайши [Ya Hanzhang, 1994. С. 271—272]. Известно, что Панчен-лама отрицательно воспринял вторжение Японии в Маньчжурию в сентябре 1931 г. В марте 1932 г., находясь в Гуйсуе², он отправил телеграмму «всему народу Китая», текст которой был направлен против японской агрессии. В декабре 1932 г. Гоминьдановское правительство назначило Панчен-ламу Уполномоченным по западным приграничным землям [Ya Hanzhang, 1994. С. 274].

² Ныне — Хух-Хото.

Важным вопросом являются взаимоотношения между Панчен-ламой и его родиной. Очевидно, Панчен-лама не оставлял планов вернуться в Тибет. Советский полпред в МНР П. М. Никифоров в декабре 1926 г. полагал, что вынужденная изоляция Панчен-ламы от Тибета вызывала «политическую тревогу» у Далай-ламы. Негласный представитель Далай-ламы в Улан-Баторе намекал Никифорову, что и сам Панчен-лама чувствовал себя в Китае «очень плохо» и хотел вернуться в Тибет, но «ему в этом мешали китайцы» [АВП. Ф. 8. Оп. 9. Пап. 19. Пор. 101. Л. 19].

Китайские власти осознавали политическую силу и активность тибетского ламства и поэтому активно педалировали «тибетский фактор» при политическом взаимодействии с Панчен-ламой. Вокруг него объединились влиятельные деятели тибетской партии «китаефилов» [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 219]. С 1928 г. тибетскому вопросу начало уделять большое внимание центральное правительство Гоминьдана. Оно намеревалось послать в Лхасу специальную миссию с задачей «помирить» Далай-ламу с Панчен-ламой. Предполагалось, что если бы Далай-лама согласился на «мир», то он и Панчен-лама были бы назначены членами Центрального правительственного совета Китая. Нанкинские власти рассчитывали на то, что если Панчен-лама отправится обратно в Тибет при военной поддержке Китая, то это поможет вернуть Тибет под китайское владычество [АВП. Ф. 4. Оп. 29. Пап. 195. Пор. 75. Л. 41]. Хотя Далай-лама отказался принять Панчен-ламу, тем более в сопровождении китайских солдат, как этого хотел сам Панчен-лама [Кычанов, Мельниченко, 2005. С. 247—248], Гоминьдан продолжал использовать китаефильские воззрения Панчен-ламы. В частности, 10 мая 1931 г. Панчен-лама выступил в Нанкине на сессии «Новоазиатского общества» с лекцией на тему «Тибет — это территория Китая» [Ya Hanzhang, 1994. С. 271].

Время от времени появлялись сведения о налаживании Панчен-ламой связей с Тибетом. В мае 1929 г. представитель Тибета в МНР Донир сообщил советскому полпреду А. Я. Охтин-Юрову, что Панчен-лама постоянно имел с Тибетом регулярные сношения. При этом тибетские власти предлагали ему вернуться обратно, но он не следовал этому призыву и «леял свои тайные планы» [АВП. Ф. 8. Оп. 12. Пап. 81. Пор. 156. Л. 190—191]. В 1932 г. Далай-лама действительно пригласил Панчен-ламу вернуться, обещав возратить все права и привилегии, если тот согласится уплачивать спорный налог и если его при возвращении будут сопровождать лишь тибетцы [Кычанов, Мельниченко, 2005. С. 252]. В декабре 1932 г. Панчен-лама послал в Тибет свою делегацию для решения вопроса о возвращении. В феврале 1934 г., уже после смерти Далай-ламы, посланцы вернулись, сообщив, что Кашаг (административный совет Тибета) принял решение о том, что Панчен-лама может вернуться и ему вернут все права [Ya Hanzhang, 1994. С. 275, 283].

После смерти Далай-ламы XIII интерес Гоминьдановского правительства к Панчен-ламе усилился,

так как он стал фактически главным властителем Тибета, поскольку Далай-лама XIV был найден только в 1937 г. В начале 1935 г. Панчен-лама был направлен китайскими властями в пограничную с Тибетом провинцию Цинхай, а в Нанкине было создано представительство Панчен-ламы как Уполномоченного на западных границах. В декабре 1936 г. Панчен-лама прибыл в цинхайский поселок Джекунд (Цзегу), вблизи границы с Тибетом, откуда собирався въехать в Тибет в сопровождении китайских чиновников и солдат. Однако, не успев въехать в Тибет, 1 декабря 1937 г. Панчен-лама скончался в монастыре Джекунд [Кычанов, Мельниченко, 2005. С. 253].

Наряду с особенностями использования авторитета и влияния Панчен-ламы властями Китая и Японии, а также противодействием этим акциям со стороны Советского Союза и МНР, важнейшим вопросом является выяснение истинных политических воззрений самого Панчен-ламы. Сделать это достаточно сложно, так как его мнения по тем или иным политическим вопросам в основном транслировались через посредничество китайских и японских властей и средств массовой информации.

В июне 1927 г. харбинские газеты сообщили, что Панчен-лама считал необходимым «поднять религиозное движение монголов против русских как разрушителей церкви и врагов всех религий» [АВП. Ф. 111. Оп. 8. Пап. 123. Пор. 68. Л. 38]. В феврале 1929 г. в газете «North China Standard» появилось известие, что Панчен-лама якобы сделал в Нанкине заявление о том, что его решение отправиться в Китай было продиктовано необходимостью просить помощи у китайского правительства, а также высказал ряд антибританских и «антиимпериалистических» мнений. Однако редакция газеты считала, что это были не его слова, так как «Панчен-лама всегда [высказывал] свое уважение к Великобритании». Кроме того, Панчен-лама «всегда старательно держался в стороне от политики», и единственным сделанным им в Китае заявлением, которое могло бы рассматриваться как политическое, но фактически сделанное им как «охранителем буддизма», было его приветственное послание Чжан Цзолиню, когда последний был назначен генералиссимусом в июне 1927 г. В этом послании Панчен-лама говорил, что «хотя он не вмешивается в политику, он не мог не принести поздравления маршалу, поскольку он предотвратил окончательное большевизирование Китая» [АВП. Ф. 111. Оп. 12. Пап. 8. Пор. 9. Л. 1]. Послания (*лундуны*), которые Панчен-лама делал из монастыря Пандидо-Гэгэн и других мест, даже по мнению советских дипломатов, имели целью «пробудить сознание в сердцах человечества, направить его на путь добродетели, ибо наступало „смутное время“» [АВП. Ф. 8. Оп. 12. Пап. 81. Пор. 155. Л. 24]. Таким образом, деятельность Панчен-ламы имела более религиозный, нежели политический характер.

В то же время, у советских дипломатов были данные о том, что Панчен-лама внушал массам верующих идеи «о необходимости бороться за осво-

бождение монгольского народа „от красных“ и объединение их в единое монгольское государство» [АВП. Ф. 111. Оп. 10. Пап. 131. Пор. 24. Л. 7]. В 1932 г. он распространял послания о «священной желтой войне Шамбалы с неверными» [Росов, 2002. С. 51]. «Монгольская молитва», сочиненная Панчен-ламой в 1934 г., гласила: «Во Внешней и во Внутренней Монголии благодатным дождем, ниспосланным Тремя Прибежищами, да будут погашены великие огни ложных учений борьбы и вражды, раздуваемые бурей красного цвета — истинного цвета Эпохи Вырождения!» [АВП. Ф. 183. Оп. 17. Пап. 22. Пор. 7. Л. 60]. Такое высказывание можно расценивать двояко — как намек и на буддийскую секту «красношапочников», с которыми боролись «желтошапочники», в том числе Панчен-лама, и на коммунистов.

Панчен-лама старался создать о себе хорошее впечатление у населения Внутренней Монголии и МНР. В феврале 1929 г. советские дипломаты сообщали, что в момент прибытия Панчен-ламы в монастырь Пандидо-Гэгэн он и его приближенные якобы «относились к посторонним жестоко и грубо, избивая их, но за последнее время внезапно сделались кроткими и мягкими». Предполагалось, что тем самым преследовалась цель «привлечения на свою сторону аратских масс». Для монголов, приезжавших из МНР в монастырь Пандидо-Гэгэн за продуктами, были снижены цены. «Советские товарищи» сделали вывод, что Панчен-лама стремился привлечь буддийское духовенство МНР на свою сторону, для чего вел учет тех лам, которые приезжали к нему на поклонение [АВП. Ф. 8. Оп. 12. Пап. 81. Пор. 155. Л. 127—128].

Резко отрицательное отношение к политической деятельности Панчен-ламы в СССР проявилось в материалах советской пропаганды, которые утверждали, что Панчен-лама принимал участие в «крестовом походе» против СССР, провозглашенном в 1930 г. папой Пием XI. Подчеркивалось, что вокруг Панчен-ламы объединились «всевозможные реакционные силы, белогвардейцы и империалисты», которые лелеяли планы «удушения революционной Монголии и подготовки восточной интервенции против Советского Союза» [Долотов, 1932. С. 21—22]. «Активная деятельность» Панчен-ламы во Внутренней Монголии связывалась советскими властями в одну цепь с эскалацией советско-китайского конфликта на КВЖД и японским захватом Маньчжурии [Манжигинэ, 1932. С. 252].

Отмечалось, что Панчен-ламу «используют» китайские и японские военно-политические круги, «снабжая его громадными средствами для целей контрреволюционной агитации в Монголии» [Очир, 1930. С. 93—94]. С начала 1930-х гг., ввиду обострения советско-японского противостояния, пропаганда акцентировала внимание на «прояпонской» ориентации Панчен-ламы [Урсынович, 1935. С. 46] (что было явным преувеличением). Считалось, что он содействовал Японии в деле восстановления в Монго-

лии «неограниченной монархии», в том числе и под своим возможным главенством как «теократический монарх». Японцы якобы смогли привлечь Панчен-ламу «своей политикой содействия сохранению привилегий монгольскими феодалами и теократами, а также путем их прямого подкупа». Подчеркивалось, что через Панчен-ламу и монгольских князей японские власти распространяли свою деятельность на территорию МНР, «находя себе благоприятную почву в феодальных и теократических кругах и нарождающейся национальной буржуазии» [Очир, 1930. С. 95—96].

Материалы советской пропаганды пытались дискредитировать Панчен-ламу. Говорилось о его «низких» нравственных качествах, и он с издевкой именовался «этот „святой“». Утверждалось, что он «бежал из Тибета к китайцам» по причине „дележа власти с Далай-ламой“ и затем «в течение многих лет оптом и в розницу продавал китайским милитаристам национальные интересы тибетского народа» [Очир, 1930. С. 93]. Негативный оттенок имело упоминание о том, что Панчен-лама «проживал в Пекине во дворце бывшего китайского императора» [Долотов, 1932. С. 21].

Практическое воплощение борьбы с невыгодным для СССР политическим влиянием Панчен-ламы ярко проявилось в ходе кампании репрессий в отношении ламства, осуществленной в МНР. В 1927 г. подверглись репрессиям «заговорщики», которые распространяли «провокационные слухи» о приходе в Монголию Панчен-ламы с 40-тысячным войском и близком падении власти МНРП [АВП. Ф. 8. Оп. 12. Пап. 81. Пор. 156. Л. 210]. В 1931 г. за распространение аналогичных слухов был осужден лама Гончогжанцан. В 1933 г. он был снова арестован [АВП. Ф. 111. Оп. 16. Пап. 18. Пор. 3. Л. 6] и обвинен в совершении «злостного государственного преступления», которое заключалось в получении письма от «лакея японцев» Панчен-ламы и в отправке ему ответа [АВП. Ф. 183. Оп. 15. Пап. 16. Пор. 5. Л. 10]. Гончогжанцан сообщил суду, что после первой отсидки, «получив особый урок», он воздерживался даже от упоминания имени Панчен-ламы. Когда он получил некое письмо от другого ламы с «упоминанием об этом враге» (Панчен-ламе), то тут же «от страха» сжег его. Затем он забыл об этом письме, «по причине старческого возраста и притупленности памяти», и «не донес надлежащему органу». В апреле 1934 г. руководство Архангайского аймака приняло решение о том, что лама Гончогжанцан, «исходя из своих стремлений свергнуть революционное правительство, имел сношения с агентом японцев беглецом из Тибета Панчен-ламой и получил от него письмо». Таким образом, Гончогжанцан «явился агентом враждебных элементов» [АВП. Ф. 111. Оп. 16. Пап. 18. Пор. 3. Л. 6, 36]. По причине раскаяния [АВП. Ф. 183. Оп. 15. Пап. 16. Пор. 5. Л. 10] и, очевидно, старческого возраста он был помилован.

В октябре 1936 г. в Улан-Баторе состоялся судебный процесс по обвинению 17 лам Улэгэйского мо-

настыря в создании «контрреволюционной организации», якобы через Панчен-ламу связанной с «японскими разведывательными органами». Приговор гласил, что эта «организация» ставила своей целью приглашение в Монголию Панчен-ламы «с войсками», для чего организовала летом 1935 г. сбор средств среди верующих [АВП. Ф. 111. Оп. 17. Пап. 154. Пор. 1. Л. 255, 260].

В октябре 1937 г. на процессе по «делу 23 лам» во главе с Энзон-Хамбо было объявлено, что в их деятельности якобы «полностью совпали стремления» высших лам МНР и Панчен-ламы, который был назван «главой буддизма-ламаизма за границей». Подчеркивалось, что Энзон-Хамбо — настоятель улан-баторских монастырей Гандантэгченлин и Дзун-Хурэ — был тибетским подданным, якобы прибывшим в МНР «по заданию» Панчен-ламы для «ведения шпионской работы», которой и «занимался в течение 22 лет» (то есть с 1915 г., за 6 лет до создания МНР). При этом Энзон-Хамбо якобы получал некие «задания» от Панчен-ламы, который, в свою очередь, обещал ему прибыть в Монголию «вместе с японскими войсками» [АВП. Ф. 111. Оп. 18. Пап. 159. Пор. 15. Л. 12—13].

В 1937 г. состоялся судебный процесс над «руководителями контрреволюционной организации высшего ламства Восточного и Южно-Гобийского аймаков». Эта «организация» якобы ставила своей целью приглашение Панчен-ламы, чтобы при поддержке Японии «ликвидировать существующую народную власть» [АВП. Ф. 183. Оп. 20. Пап. 38. Пор. 28. Л. 100]. Корреляция деятельности Панчен-ламы с «японским фактором» была явно надуманной, и причиной ее было обострение отношений СССР и МНР с Японией.

Подытоживая исследование внешнеполитического воздействия «буддийского фактора», связанного с деятельностью Панчен-ламы, следует отметить, что этот тибетский иерарх в период с 1925-го по 1937 г. являлся деятелем международного масштаба, вольно или невольно связавшим интересы всех государств Восточноазиатского региона — Китая, Монголии, СССР, Тибета и Японии, — каждое из которых как минимум рассматривало возможность использования деятельности Панчен-ламы в своих интересах [Лузянин, 1997. С. 271].

Советское руководство пыталось если не использовать «фактор Панчен-ламы» в своих интересах, то хотя бы минимизировать возможное его использование в ущерб СССР и Монголии. Когда советскому руководству стала ясной бесперспективность этого намерения, Панчен-лама был зачислен в разряд врагов Советского государства и его союзников.

Китайские и японские власти стремились использовать авторитет Панчен-ламы для расширения своего влияния на Внутреннюю Монголию и МНР. Для китайцев появление Панчен-ламы в Китае было удачным, так как сепаратистские тенденции во Внутренней Монголии, инспирированные отделением от Ки-

тая Внешней Монголии, представляли для китайских властей опасность, и они фактически имели мало рычагов для удержания монголов в орбите своего влияния. Авторитет Панчен-ламы стал наиболее действенным инструментом для ведения пропаганды против СССР и МНР. Этот иерарх стал для Китая, Японии и антисоветски настроенной части монгольского населения объединяющей фигурой, способной вести борьбу с «красной опасностью» [Росов, 2002. С. 46]. Деятельность Панчен-ламы по духовной поддержке верующих-буддистов Китая, Монголии и СССР совпала с интересами в этом регионе Китая и Японии, которые стремились направить ее на борьбу с влиянием Советского Союза. Тем не менее в реальности Панчен-лама даже при поддержке китайских войск вряд ли собирался начать военный поход против МНР, и тем более СССР. Так считал и тибетский посол в Монголии Донир, указывая на то, что Панчен-лама как лицо высшей духовной иерархии «не мог заниматься военными делами» [АВП. Ф. 8. Оп. 12. Пап. 81. Пор. 156. Л. 190—191].

Очевидно, не следует говорить о собственных глубоко антисоветских намерениях Панчен-ламы. Очевидно, что он, в некотором смысле, оказался заложником ситуации. Возможно, Панчен-лама мог решиться на посещение СССР как минимум из интереса изучить ситуацию в Советском государстве, где власти стали строить новое общество и буддизм не подвергался прямым гонениям до конца 1920-х гг. На это могли повлиять и связи тибетцев с одним из лидеров буддийской общины в СССР Хамбо-ламой А. Л. Доржиевым. Поэтому китайские власти стремились всеми мерами оградить Панчен-ламу от любых влияний извне. В частности, когда в 1926—1927 гг. во время пребывания в Урге на переговоры с Панчен-ламой пытался выехать Н. К. Рерих, китайские власти не дали ему визы [Росов, 2002. С. 43]. В высказываниях Панчен-ламы, направленных против коммунизма, на наш взгляд, проявилось его стремление защитить буддийскую конфессию, которая с конца 1920-х гг. подвергалась жестоким преследованиям в СССР, Монголии и Туве.

Литература

- Андреев, 2006: *Андреев А. И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во СПбГУ; изд-во «Нартанг», 2006.
- Баабар, 2010: *Баабар.* История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. Казань: Тат. кн. изд-во, 2010.
- Долотов, 1932: *Долотов А.* Ламаизм и война. Верхнеудинск: БМНИИК, 1932.
- Кычанов, Мельниченко, 2005: *Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н.* История Тибета с древнейших времён до наших дней. М.: Вост. лит., 2005.
- Ломакина, 2006: *Ломакина И. И.* Монгольская столица, старая и новая (и участие России в ее судьбе). М.: Тов-во научных знаний, 2006.
- Лузянин, 1997: *Лузянин С. Г.* Россия—Монголия—Китай: Внешнеполитические отношения в 1911—1946 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИВ РАН, 1997.
- Манжигинэ, 1932: *Манжигинэ.* Против пропаганды националистической идеологии в Бурят-Монголии и гнилого либерализма по отношению к ней // *Революционный Восток.* 1932. № 1—2 (13—14). С. 237—252.
- Очир, 1930: *Очир Э.* Внешнее положение Монгольской народной республики и политика Японии и Китая // *Жизнь Бурятии.* 1930. № 2—3. С. 91—99.
- Россов, 2002: *Россов В. А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н. К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. Кн. I: Великий План. СПб.: Алетейя; М.: Ариарта-Пресс, 2002.
- Урсынович, 1935: *Урсынович С.* Буддизм и ламаизм. М.: ГАИЗ, 1935.
- Ya Hanzhang, 1994: *Ya Hanzhang.* Biographies of the Tibetan Spiritual Leaders Panchen Erdenis. Beijing: Foreign Languages Press, 1994.

Список сокращений

АВП	— Архив внешней политики РФ	МНРП	— Монгольская народно-революционная партия
БМНИИК	— Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры	ОГПУ	— Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР
ГАИЗ	— Государственное антирелигиозное издательство	РГАСПИ	— Российский государственный архив социально-политической истории
ИВ РАН	— Институт Востоковедения Российской Академии наук	РГВА	— Российский государственный военный архив
КВЖД	— Китайско-Восточная железная дорога		
МНР	— Монгольская Народная Республика		

F. L. Sinitsyn

International activities of the Tibetan Hierarch Panchen Lama IX and their impact on the situation of Mongolia and Inner Mongolia (1926—1937 years)

The article examines the international activities of the Tibetan Hierarch Panchen Lama IX in 1926—1937, who was in opposition to the Dalai Lama XIII, their impact on the foreign policy of Mongolia and Inner Mongolia and on the relationship with the Soviet Union.

Key words: Panchen Lama, the Kuomintang, Mukden government, Inner Mongolia, Mongolia, Tibet, the Dalai Lama XIII, Japan, the USSR, the clergy, politics.